

The background of the cover is a vibrant, abstract painting. It features a central, dark, rectangular structure that appears to be on fire or engulfed in flames. From the top of this structure, several tall, thin poles rise, each topped with a flag. The flags are rendered in bright, saturated colors: red, yellow, and orange. A dark, silhouetted figure is perched atop the structure, possibly a person or a creature. The background is a mix of soft, blended colors including blue, green, and yellow, with more intense red and orange streaks on the right side, suggesting a dramatic, fiery scene. The overall style is expressive and somewhat somber, reflecting the title's theme of a fall or destruction.

Екатерина Грицай

Падение Империи Гутенберга

СУПЕР Издательство

Екатерина Грицай

Падение Империи Гутенберга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43440277

СУПЕР Издательство; Санкт-Петербург; 2018

ISBN 978-5-9965-0323-0

Аннотация

«Удушающе жаркая августовская ночь нависла над городом. Он был полон жизни и не спал. Большие города не засыпают просто потому, что солнце закатилось за горизонт. На ярко освещённых улицах шумели автомобили и прохожие. Из ресторанов и клубов слышались людские голоса и музыка...»

Екатерина Грицай Падение Империи Гутенберга

© Екатерина Грицай 2018

© ООО «СУПЕР Издательство», 2018

* * *

*Уж коли зло пресечь,
собрать все книги бы да сжечь.*
А.С. Грибоедов «Горе от ума»

Удушающе жаркая августовская ночь нависла над городом. Он был полон жизни и не спал. Большие города не засыпают просто потому, что солнце закатилось за горизонт. На ярко освещённых улицах шумели автомобили и прохожие. Из ресторанов и клубов слышались людские голоса и музыка.

Внезапно всё смолкло. Умерло в одно мгновение. Как будто некая точка в пространстве за долю секунды всосала в себя все звуки вокруг. Никто не успел осознать это изменение, а звуки уже вернулись обратно. Вернулись всё разом грохотом чудовищного взрыва, потрясшего всю округу. Эхо от него ещё не стихло, а на одной из центральных

улиц гигантским факелом пылал большой особняк. Выглядело это как прямое попадание авиабомбы. Кое-кто тогда так и подумал. Оказавшиеся поблизости люди замерли, уставившись на столб дыма и огня, взвившийся над взорванным домом. Перед ними в оранжевом пламени чернел чёткий силуэт «Империи Гутенберга» – самого крупного книжного магазина города. Его высокие стрельчатые окна-витражи сияли самыми невообразимыми цветами, оплавляясь и осыпаясь от жара – по какому-то капризу судьбы их не вышибло взрывной волной. Собравшиеся вокруг стояли как изваяния, будто околдованные. Между ними металась женщина в вечернем платье и что-то кричала. Никто не обращал на неё внимания. Тогда она повернулась к пожару и кинулась прямо в пламя, туда где горели остатки исковерканных взрывом входных дверей... Но адский жар просто отшвырнул её от здания, не дав приблизиться на опасное расстояние. Женщина упала, задев одного из стоявших рядом людей. Мужчина как будто очнулся и медленно повернул к ней лишённое выражения лицо. Потом, пытаясь перекрыть рев огня, заорал:

– Вам помочь?

Она стала ему отвечать, но из-за шума он сначала ничего не разобрал.

– Они там! Внутри! – наконец стало слышно хоть что-то. – Я только на минуту покурить вышла! – она бросилась на асфальт лицом вниз и зарыдала.

Мужчина какое-то время просто стоял, не зная, как реа-

гировать – ему казалось, что прошёл час, хотя на самом деле меньше минуты.

– Там что, люди были?.. – прошептал он себе под нос. Потом мигнул, потёр лицо рукой, как после долгого сна, и вдруг, дико оглядевшись, заорал:

– «Империю Гутенберга» спалили!

Его выкрик положил конец мёртвому безмолвию присутствующих.

Людей как будто ударили. Засуетившись, они стали звонить пожарным и знакомым. Засветились экраны мобильных телефонов – очевидцы лихорадочно занялись съёмкой редкого зрелища.

Пламя стремительно разрасталось. Не прошло и пяти минут с момента взрыва, а от горящего магазина уже все разбежались, гонимые накатывавшими волнами невыносимого жара. Вдалеке взвыли сирены пожарных машин...

Той ночью магазин «Империя Гутенберга» сгорел дотла. Но, как оказалось, не только он один. Ночью там никого не должно было быть, но, тем не менее, спасатели извлекли из-под завалов останки более сорока погибших. В воздухе висел один вопрос: что случилось?

Пока магазин ещё горел, многие считали, что это просто какой-то дикий несчастный случай. Но уже под утро стало абсолютно точно известно, что «Империя Гутенберга» вместе со всеми людьми внутри была взорвана намеренно.

Разобраться в происшедшем пытались все, кому не лень.

В то время, пока эксперты и следователи копались на пепелище, всевозможные ясновидцы, колдуны и ведьмы доказывали, что им приходили видения и являлись таинственные знаки, разгадав которые, трагедию можно было предотвратить. На их счастье, к ним особо не прислушивались. Большинство считало их в лучшем случае обладателями слишком буйного воображения.

Но был человек, который на самом деле имел представление о том, что должно было произойти. По некоторым причинам он не смог никого об этом предупредить. Знание это так и осталось тайной, пока не стало слишком поздно.

А ведь начиналось то адское лето совсем не в огне и дыму. Ими оно закончилось. А вот июнь был крайне дождливый и холодный. Дожди шли практически круглосуточно, и к концу первого летнего месяца синоптики авторитетно заявляли, что он был самым дождливым холодным июнем за всю историю метеонаблюдений. Но факт рекорда мало радовал мокрых и озябших жителей города. Они злились. Злились от бесконечных потоков воды, капанья, журчания и огромных луж.

Все началось именно тогда. В один из самых беспросветных, самых дождливых дней...

...На улице Обвалова, одной из центральных улиц города, мокрой и серой от дождя, толкаемый спешащими мрачными

проходимыми, стоял мужчина. Он провёл уже немало времени под навесом какого-то маленького ресторанчика, не обращая внимания ни на мелькавших мимо людей, ни на их раздраженное бормотание, когда они пытались на скорости обойти его. Неровно подстриженные тёмные волосы человека уже давным-давно вымокли, мятая футболка и линялые джинсы – тоже. А он всё стоял у ресторана и, не мигая, смотрел через улицу на здание напротив. Иногда человек вздрагивал, когда капли дождя добирались до него под узким тентом, но ни разу не отвёл взгляда от здания книжного магазина, находившегося через дорогу. На него, так или иначе, обращали внимание абсолютно все, кто проходил мимо. Этот дом сложно было не заметить.

Высокие окна, угольно-чёрные стены, огромные двери, тяжеловесная лепнина – всё это делало «Империю Гутенберга» самым значительным и знаменитым зданием в городе, можно сказать, его визитной карточкой. Его изображение с удовольствием печатали на кружках, майках, магнитах, тетрадях, пакетах, которые потом скупали многочисленные туристы, приезжавшие в город часто только для того, чтобы взглянуть на этот магазин.

Если бы погода была хорошей, то человек, стоявший напротив магазина, делил бы место с многочисленными фотографами и художниками, стремившимися запечатлеть образ этого примечательного особняка.

Конечно, больше всего в облике здания людей восхища-

ли его огромные витражи, украшавшие весь первый этаж. Высотой они были в два человеческих роста каждый. В тёмное время суток они освещались изнутри мощными лампами, отчего казалось, что эти картины из разноцветных кусков стекла светятся сами по себе. Их было шесть: по три с каждой стороны от единственных входных дверей.

На двух верхних этажах окна были уже самые обычные, забранные толстыми крепкими решётками. Но и наверху было на что посмотреть. Под самой крышей шёл карниз, как будто поддерживаемый странными на вид существами, расположившимися под ним на равном расстоянии друг от друга. Их часто сравнивали с химерами с известного собора во Франции, и, в принципе, сходство было. Но эти монстры казались даже ещё более древними, чем статуи собора средневековой постройки. Они были больше похожи на языческих идолов древности. В отличие от нижних этажей, которые ремонтировали чуть ли не каждые пять лет, опасаясь за витражи, маленькие чудища, вцепившиеся в карниз, сохранялись в своем первозданном виде уже лет пятьдесят. И никто ни разу не предлагал подновить их или подкрасить. Впечатление создавалось такое, что их стараются просто не замечать. Как будто обратить к ним взор – плохая примета. Если судить по выражению их странно человеческих морд, они были этому факту весьма недовольны и свирепо смотрели на проходящих внизу людей, как будто выбирали, на кого плюнуть.

В целом, если бы не вывеска, извещающая всех о том,

что здание является книжным магазином, со стороны незнающий человек назвал бы его культовым сооружением, построенным некими малоизвестными религиозными фанатиками. Даже массивные ступени, ведущие к единственному входу внутрь, со стороны больше походили на подъём к месту жертвоприношения. Их было всего пять, но они были очень узкие – то ли из-за замысла архитектора, то ли из-за того, что тротуар в том месте был такой ширины, что в ряд могли пройти не больше трех человек, и широкие подходы к магазину строить было просто негде. Кроме узости, ступени были ещё и очень высокие – поневоле каждый, кто хотел войти в магазин, замедлял шаг перед тем, как начать подниматься, иначе с них можно было сорваться – это не раз случалось, особенно зимой. Со стороны казалось, что люди почтительно замирают перед тем, как войти в какой-нибудь собор.

Именно на монстрах остановил свой взгляд человек под навесом, и лицо его при этом постоянно менялось, выражая то неуверенность, то страх, то какую-то обречённую решимость.

В который раз за последние пять минут он посмотрел на уличные часы, висящие над его головой на столбе. Минутная стрелка долго стояла на одном месте, потом прыгнула на «12». Десять часов утра. Небольшая кучка людей, стоявшая у центрального входа в книжный, дёрнулась, сложила зонтики и всосалась внутрь – охрана открыла двери. Ото-

равались, наконец, от стены, мужчина втянул голову в плечи, сгорбился, тщетно пытаясь защититься таким образом от потоков дождя, перешёл узкую дорогу, всю забитую машинами, и оказался у магазина. С заметной неуверенностью он встал у стены и запрокинул голову вверх, рассматривая огромные окна и часто моргая, так как вода стала тут же заливать глаза. Поблескивавшие витражи «Империи Гутенберга», казалось, околдовали его.

Огромные витражные окна, которые всех так восхищали, находились довольно высоко от земли – их узкие подоконники были на уровне головы взрослого мужчины, и любоваться ими лучше всего было с противоположной стороны улицы. Если остановиться там и посмотреть прямо на фасад магазина, то можно было заметить, что слева направо по витражам читалась история появления книги в этом мире. Сюда приводили огромное количество экскурсий, и экскурсоводы давно зазубренным текстом рассказывали историю развития написания букв и иероглифов с целью передачи информации через написанное.

На первом витраже были изображены древние египтяне с пирамидами и сфинксом на заднем плане. Древние люди что-то записывали на свитках, стоя на берегу реки, заросшей папирусом. Над ними, протянув длинные тонкие руки к свиткам, как будто парила в небе одна из египетских богинь с головой львицы, над её головой был круглый диск, похожий на солнце. Картина напоминала древние изображения

со стен египетских пирамид.

Второй витраж изображал средневековых монахов в феодальных декорациях, переписывавших толстые книги. Витраж был выполнен в стиле гобелена и производил бы более радостное впечатление, если бы не оранжевый с чёрным тон, в которых было выполнено всё изображение.

Витраж слева от входной двери показывал первый книгопечатный станок – рядом стояли его бородатые создатели и просматривали только что отпечатанный лист будущей книги. Типографский станок, стоявший перед ними, напоминал силуэт, как будто вырезанный из чёрной бумаги. Над людьми среди повторяющихся снова и снова узоров, похожих на колеса, расправила крылья большая красная птица, а внизу картины, как транспарант на демонстрации, справа налево тянулась надпись «Друкарь книг невиданных».

Справа от двери первые комсомольцы показывали книги толпе крестьян на фоне пашущих землю тракторов. Сверху этой картины была большая красная звезда, только опиралась она не на два луча, как обычно изображалось во всех книгах, а на один, из-за чего вид у нее был довольно странный.

Предпоследний витраж был самым страшным. Он изображал большой костёр, вокруг которого стояла толпа людей, державших руки в нацистском приветствии и кидавших книги в огонь. На заднем плане сквозь огонь хорошо просматривалась свастика. С этим витражом была связана череда

скандалов, так как многие жители города считали, что она оскорбительна, и витраж необходимо снять. Или хотя бы замазать на нем оскорбляющий знак. Горожане заваливали жалобами местную управу и мэрию, но витраж пока никуда не делся, и никаких изменений на нём тоже заметно не было. Именно его чаще других витражей пытались разбить. Именно по нему стреляли из настоящего боевого оружия. Только он один привлекал к себе каждый день кучу туристов. А во всех буклетах, призывающих приезжих заглянуть в город, на всех сувенирах, фотография магазина была всегда с такого ракурса, чтобы было видно именно это изображение. Оно никого не оставляло равнодушным.

Последний, самый правый, витраж показывал современность – несколько человек, окружённых всевозможными компьютерами, ноутбуками и другими современными устройствами, но в руках они всё равно держали архаичные бумажные книги. Книжный магазин тем самым показывал, что книгу просто так не убьёшь. Никаким способом. Из всех витражей этот был единственным, который создали совсем недавно – буквально несколько лет назад. Раньше окно закрывал стальной лист, что под ним – никто не знал. Экскурсоводы на все вопросы отвечали, что первоначальное изображение было разбито вандалами, а на то, чтобы его реставрировать, собираются деньги. Деньги собирались уже лет сорок. Все привыкли к тому, что стальной щит никуда не убирается и стал как будто частью здания. У него даже было

предназначение: половина щита была отдана под рекламу, на второй половине администрация магазина обычно вывешивала объявления обо всех проводимых мероприятиях. Убрали его внезапно и за один день, обнажив уже готовый витраж с компьютерами.

Промокший человек разглядывал витражные окна довольно долго с таким выражением лица, как будто пытался что-то вспомнить. По цветным стеклам текли ручейки воды. Казалось, что изображенные на картинах люди плачут. Мужчина тряхнул головой, почесал небритый подбородок и решительно подошёл к дверям. Тяжёлые, дубовые, эти двери были вторым после ступеней препятствием для тех, кто хотел попасть в магазин. Мрачные, выкрашенные тёмной краской, они казались вратами в царство зла, а не в храм знаний. Сколько ругательств было произнесено здесь теми, которых этими дверьми прижимало при входе, и не сосчитать. За ними была стальная вертушка с тугим ходом, как будто с неохотой пропускавшая людей внутрь. Её регулярно смазывали, она никогда не скрипела, но всё равно проворачивалась еле-еле. Другая такая же вертушка была установлена рядом с первой и выпускала людей обратно на улицу с ещё большей неохотой. Мокрый человек, как и многие до него, не с первого раза справился с этими стражами магазина, приложив значительные усилия.

Холёный охранник в костюме и галстуке весьма неприяз-

ненно посмотрел на вошедшего, но промолчал, узнав его. Он тут часто бывал. Человек тряхнул головой, и в разные стороны полетели капли воды. Толстые губы охранника дрогнули, как будто он хотел что-то сказать, но в последний момент передумал.

Внутри магазина было светло. Пахло новыми книгами, находившимися везде, и, казалось, наблюдавшими за теми, кто проходил мимо. На первом этаже было четыре зала, разделённых между собой тяжелыми дубовыми дверями. Они никогда не закрывались, всегда были распахнуты и обычно были прикрыты всевозможными рекламными плакатами. Каждый из четырёх залов вмещал в себя несколько секций, где продавались книги самой разнообразной тематики.

Торговые помещения занимали два нижних этажа «Империи Гутенберга». Сверху был ещё один этаж, где располагались бухгалтерия, отдел кадров и спец-хранилище для особо ценных антикварных экземпляров книг. Туда же допускались «особые» покупатели, требовавшие «особого» к себе отношения – у магазина были специалисты, способные на заказ достать практически любое издание. По слухам, распускаемым злопыхателями, правоохранительные органы давно уже хотели проверить это место. Были подозрения, что некоторые книги для того, чтобы быть проданными покупателям, просто воровались.

Оказавшись внутри, человек сразу взял курс на лестницу,

ведущую на второй этаж, оставляя на полу за собой мокрые следы. Поднимаясь по широким ступеням, одной рукой он держался за стену, закрытую красивыми пластиковыми панелями, имитирующими каменную кладку в средневековом замке. Даже на лестнице были книги, они лежали и стояли на специальных тумбочках, лепившихся к каждой ступеньке.

Книги занимали и все стены: они стояли на огромных – до потолка – стальных стеллажах, намертво прикрученных к стенам, закрывавших все окна, в том числе и витражи первого этажа. На этих стеллажах стояла и лежала львиная доля всех продаваемых «Империей Гутенберга» изданий. Из-за того, что изнутри не было видно даже кусочка улицы, посетители как будто теряли чувство времени и иногда часами бродили между полок, высматривая то, за чем пришли. Они брали то одну книгу, то другую, пролистывали несколько страниц, читали по строчке, откладывали книги в сторону и тут же переходили к следующим. Это было похоже на казино, где посетители так увлечены процессом, что совсем забывают об окружающем мире и о том, что в нем происходит.

Проходя мимо огромных стеллажей, заставленных книгами, человек не мог удержаться от того, чтобы не взглянуть на них.

Большие, как набитые канцелярские папки, маленькие, как спичечные коробки, толстые, тонкие, тяжёлые, лёгкие,

шероховатые, гладкие... Со сверкающими глянцевыми обложками, над которыми трудились лучшие художники-иллюстраторы, и без картинок на обложках вовсе, со страницами серыми, как дешёвые газеты, и с мелованными и гладкими... Бестселлеры (всегда дорогие), ширпотреб (быстро разбираемый и непритязательного издания), бульварное чтиво (в основном в мягких обложках, второй раз такие книги не перечитывали), серьёзная литература – в тех секциях обычно пусто, альбомы по искусству, прекрасный отдел карт и путеводителей... «Империя Гутенберга» был не просто магазином с хорошим выбором. Он был лучшим книжным магазином в стране, прекрасным, как фантазия...

Поднявшись на второй этаж, мужчина сразу пошел в отдел фантастики и фэнтези. В десять утра там обычно уже сновали школьники-прогульщики, но было лето, каникулярное время, и секция пустовала, если не считать женщины-консультанта и молодого парня, державшего в руках две книги известного автора романов ужасов и, похоже, не знавшего, какую выбрать. Человек подошёл к ним вплотную и стал слушать их разговор, делая вид, что рассматривает содержимое шкафа с научной фантастикой – в жизни своей он не мог прочитать ни одной такой книги, от количества технических деталей сразу хотелось спать.

– Если Вам понравились его рассказы, могу посоветовать вот это. Живо написано, – хорошо поставленным, но немно-

го монотонным голосом говорила женщина-консультант. – То произведение, которое у вас в руках – совершенно другое. Очень медленное разворачивание действия, – судя по её тону, разговор шёл уже минут десять.

– Мне надоели рассказы. Хочу что-нибудь подлиннее, – парень решительно тряхнул длинными нечёсаными волосами. Вместе с ними туда-сюда запрыгали свисавшие с шеи наушники.

– Тогда возьмите вот эту. Оторваться не могла, за несколько ночей прочитала.

– Вы советуете? Про что там?

– Про детей, которые побеждали чудовище.

– Страшно?

– Страшно интересно. Держит в напряжении.

– Тогда возьму её.

Парень прошел в сторону лестницы, сжимая в руках довольно увесистую книгу, на обложке которой мужчина успел заметить маленькую девочку с открытым от ужаса ртом. От парня пахло энергетическим напитком и жареной курицей.

Подождав и убедившись, что больше пока никто не нуждается в помощи консультанта, человек подошел к женщине и осторожно тронул её за плечо. Она обернулась.

– Макс? Что ты тут делаешь? – особой радости в её голосе слышно не было.

Макс неуверенно улыбнулся и ещё раз огляделся, будто

боялся, что кто-то подкрадётся, чтобы подслушать. Он чувствовал себя виноватым, показавшись здесь. Он просто компрометировал сестру своим появлением и, зная это, всё равно пришел.

– Привет, Эмилия.

– Привет, привет. Что-то случилось?

Она хмурилась. Он к этому привык. Разница в возрасте между ними была в пять лет, причём Макс был старшим, но при взгляде на них обоих любой бы сказал, что старше Эмилия. В свои тридцать, обременённая двумя детьми, отсутствием денег на няню и двенадцатичасовым рабочим днём, она вполне выглядела на свой возраст. Лицо её, несмотря на косметику, выдавало безмерную усталость от всего вокруг. Кроме того, соблюдая условия работы в магазине, Эмилия всегда была в таких вещах, какие принято называть «офисный стиль одежды», не позволяя себе ходить с неухоженными ногтями или непричёсанной головой, за что ей можно было накинуть еще лет пять.

Макс был её антиподом. Меньше сестры чуть не на голову, для мужчины он был почти пигмеем. Угловатая фигура его, казалось, так и осталась в том времени, когда Максу было тринадцать, и он натыкался при ходьбе на мебель. Жидкая поросль на лице даже к сорока годам так и не превратилась хотя бы в надоедливую щетину, продолжая расти какими-то пучками, а джинсы и футболки, которым он никогда не изменял, сбивали ему ещё несколько лет. В итоге он вы-

глядел как хлипкий инфантильный студент начальных курсов из тех, которых никогда не возьмут в армию. Такие там не нужны.

– Хотел у тебя кое-что спросить.

– Спросить? – Эмилия, казалось, не поверила ему. – Это важно? До вечера, пока с работы приду, подождать не мог? И с кем ты детей оставил, позволь спросить?!

– Важно. Опять забуду. Решил, пока помню, спросить сейчас. Мальчишки с тетей Таней. Она согласилась посидеть с ними, пока я отскочу.

Добросердечная тетя Таня, соседка из квартиры этажом ниже, всегда брала детей, с которыми некому было сидеть. Иногда у неё их было человек по десять, собранных со всего дома, пока родители занимались своими мнимыми или реально существующими делами. Когда-то давно она была воспитательницей в детском саду, и с тех пор чувствовала себя хорошо только тогда, когда вокруг были дети. Однако Эмилии всегда казалось страшно неудобным беспокоить её, и она оставляла вариант с соседкой на крайний случай.

Макс опять улыбнулся, чувствуя себя дефективным. Со стороны так подумал бы каждый, мелькнуло у него в голове – разве что слюни изо рта не текут. Эмилия смотрела на него соответствующе. Наконец, выразительно глянув на свои дешёвые наручные часы, она кивнула головой:

– Ладно. Говори, что у тебя там?

– Хорошо... – Макс внезапно разволновался под её стро-

гим взглядом. Все слова, придуманные им по дороге, вылетели из головы. Он обозлился на себя, хотя знал, что если не успокоится, то забудет и оставшиеся.

– Хорошо. Не знаешь ли ты такой книжки... Мягкая обложка, но форматом побольше покетбука. Страниц четыреста, не меньше. На белом фоне стоит человек в таком костюме...

Он замолк.

– Ты за этим сюда пришёл?! – Эмилия нахмурилась ещё больше, и Макс понял, что она еле сдерживается от какого-нибудь грубого замечания.

– Да, – он заставил себя говорить спокойным, ровным голосом.

Эмилия тяжело вздохнула. Потом, видимо, решив, что самый простой способ избавиться от брата – это сказать ему то, что он хочет, спросила:

– В каком костюме?

– Ну... – он почувствовал, что потеет, как поросёнок, как будто стоит у школьной доски, абсолютно ничего не выучив.

– Знаешь, как в средние века. Нет, попозже. Мужик как будто в колготках и в шортах таких толстых, а воротник у него круглый, как у Пьеро... Во! Знаешь фильм «Двенадцатая ночь»? Вот в таком костюме.

Эмилия нахмурилась.

– Не припомню такой книги. А хоть про что?

– Не помню. Помню только что-то про перья...

Внезапно Макс вытянулся, как солдат на параде, а взгляд его стал как будто стеклянным. Эмилия прикусила губу. Опять...

У Макса такое бывало. С самого своего раннего детства она видела, как брат... как будто подпадал под какой-то мгновенный гипноз. Это всегда происходило неожиданно, не поддавалось прогнозам и было одной из главных причин, почему он не мог удержаться ни на одной работе, даже почтальоном на почте. Хорошо ещё, что обычно это долго не длилось.

Эмилия нервно огляделась. Главное, чтобы Макс не попал в поле зрения начальства. Ей повезло. Вокруг никого не было, кроме одиноко стоящего у дальнего стеллажа старичка, углубившегося в одну из книг Брэдбери. Одной рукой он держал перед собой том, открытый примерно на середине, а другой опирался на палку. На них с Максом этот клиент не обращал ни малейшего внимания. Она осторожно взяла брата за плечо и провела его в угол, где между двух шкафов была небольшая ниша, и консультанты там обычно прятались от руководителей, если хотели немного передохнуть. Пока она тащила туда Макса, он что-то бормотал. Как обычно, ничего из этого Эмилия не разобрала, только в самом конце Макс несколько раз повторил: «Унесёт ветром, как листья»....

Через несколько минут странное поведение Макса кончилось. Как обычно. Он ничего не помнил, выглядел крайне растерянным и виноватым. То есть больше обычного расте-

рянным и больше обычного виноватым. Эмилия опять нервно осмотрелась. Старичок уже ушёл, оставив незакрытую книгу на одной из полок. У служебного хода наметилось оживление. Похоже, со склада подвезли ещё книги, значит, скоро она должна быть на рабочем месте во всеоружии. Она повернулась к брату и как можно более ласковым и спокойным голосом проговорила:

– Знаешь, не припомню я такой книжки. Может, она из новых? Давай я поспрашиваю на обеде у девчонок из других отделов. Может, книга у них засветилась?

– Да... – еле слышно прохрипел Макс, – если тебе не трудно, конечно.

– Совсем нет. А пока... Иди домой. Ты промок весь под дождем, смотри, простудишься.

Как и всегда, когда это происходило, она его одновременно и жалела и ненавидела. Изо всех сил стараясь вести себя как обычно при этих его... провалах, Эмилия делала ещё хуже, она чувствовала это.

– Долгова!

Даже не оборачиваясь, она знала, кто это. Зам директора Сергей Сергеевич Бочкин, которого за глаза все подчинённые звали Затычка. Это был высокий, седой уже мужчина с козлиной бородкой и цепкими маленькими глазками. Надо сказать, кличку свою он вполне заслужил. Где бы ни появлялся Бочкин, он непременно вставлял в разговор, который его не касался, какую-нибудь никчемную ремарку, портя со-

бой и своими замечаниями любую беседу и любое общество. Зная его крутой нрав по части обнаружения консультантов, слоняющихся по магазину без дела, Эмилия схватила с ближайшей полки первую попавшуюся книгу, сунула её под нос Максу и, едва успев прочитать название на обложке, громким голосом проговорила:

– Возьмите вот эту. Как раз то, что вы ищете. Чисто мужское чтение, много натуралистичных сцен, никаких отвлечённых рассуждений.

Про себя Эмилия порадовалась, что именно эту книгу она читала. Причём целых два раза. Если Бочкин потом пристанет – а он иногда любил проверять так консультантов – она сможет рассказать сюжет.

Макс растерянно взял толстую книгу в руки, но быстро сообразив, в чём дело, стал листать её, как будто в самом деле знакомился с содержимым. Картинок в книге не было. Только на обложке был изображен лежащий на боку корабль, вмёрзший в лед. Эмилия повернулась к Бочкину и, твёрдо глядя ему в глаза, спросила:

– Да, Сергей Сергеевич?

– Там книги пришли, – несколько разочарованно сказал он, переводя взгляд с неё на Макса и обратно. Тот продолжал листать книгу и даже не удостоил начальника своей сестры вниманием.

– Уже иду, – предупредительно бросив взгляд на брата, Эмилия протиснулась между Бочкиным и стеллажом и

конфет (их любили его племянники) и ключи от квартиры.

Мимо спешили люди. Макс всегда удивлялся скорости, с какой жители города перемещались по улицам. Они постоянно натывались на гостей города – те с такой скоростью не перемещались. А спроси любого из них, он скажет, что во все никуда не опаздывает и не спешит. Скажет и помчится дальше.

Отходя от магазина метров на сто, Макс оглянулся, трясась. Любой, кто посмотрел бы на него сейчас, сказал бы, что Макс дрожит от холода. Если бы его самого спросили об этом, он бы сказал, что трясётся от страха.

«Я паникую, – мрачно подумал Макс, всматриваясь сквозь пелену дождя в очертания фасада «Империи Гутенберга», – мне страшно. Мне невозможно страшно. От этого места несет скорой бедой... какой-то неизбежностью... катастрофой... сплошной трагедией... Почему я ничего не помню?..»

Внезапно его сильно толкнули.

– Куда прёшь?! Глаза разуй! – странно высоким голосом крикнул ему размашисто прошагавший мимо здоровенный мужчина. На вытянутой руке он держал большой кожаный портфель, углом которого и ударил зазевавшегося Макса. Про себя тот подумал, что мужик имеет удивительное сходство с боровом. Пока Макс смотрел ему вслед, его толкнули ещё пару раз. Рассердившись, он обратил, наконец, внимание на окружавших его людей и стал лавировать между ними

с ловкостью, говорившей о большой практике и о том, что Макс – местный житель. Это было, наверное, единственное, чем он гордился. Что он – местный. Он причастен ко всему этому городу. Здесь он родился, здесь ходил в пять разных школ, с трудом доучившись до девятого класса, когда мать решила, что с учением пора завязывать, здесь жил вместе с сестрой и двумя племянниками. Здесь был его дом.

Макс шёл по улице, наблюдая за обычной утренней сутолокой. Повторялось это ежедневно, кроме, пожалуй, воскресений, когда большая часть многочисленных офисов в этой части города была закрыта. Тут всегда были жесточайшие пробки из-за старых узких улочек, заставленных машинами. Днём проехать куда-нибудь было равносильно подвигу даже летом, а уж зимой из-за снега езда по городу в этом районе и вовсе напоминала пытку, медленную и изощрённую. На тротуарах царила вечная суета, как и на проезжих частях: огромные толпы народа без конца сновали в клубах вечной пыли, скрипевшей на зубах, или в невозможно жирной чёрной грязи, если приходила зима и выпадал снег. Или в потоках воды, как в этот день. При этом жизнь здесь никогда не замирала, напоминая о себе постоянно. Ругань, драки, термоядерные взрывы музыки в ночных клубах, вопли сигнализаций на машинах в неурочное время... Макс шёл по городу, и всё это успокаивало его, настраивало на более мирный лад, обуздывало панику.

Пройдя примерно пол-дороги, Макс стал думать, как по-

ступить. Он чувствовал, что должен что-то сделать.

У него нечасто были такие состояния. Один-два раза в год. Не чаще. За исключением последнего месяца. И каждый раз он понимал, что именно всё это означало, слишком поздно. Когда уже было совсем невозможно что-либо изменить. Если бы кто-нибудь слушал то, что он говорил тогда, и записывал бы... Но никого такого не было. Дети были маленькие, он и так иногда подумывал, что стоило бы ограничить с ними контакты. А то вдруг это заразно. А перед Эмилией ему и так было стыдно. Она тянула одна всю семью. На её месте любая другая давно бы выгнала такого бесполезного родственника, а Эмилия ещё кормила его, одевала, никуда не гнала. Хотя если бы она стала его выгонять, он бы ушёл. Без вопросов. Так, наверное, в самом деле, было бы лучше. Друзей у Макса не было, да и кто с таким дружить станет. И получалось, что никто не мог помочь ему разобраться с тем, что к нему... приходило. Оно приходило ненадолго, он знал это. Минут на десять, не больше. А после того, как все заканчивалось, он не мог вспомнить ничего. Только какие-то осколки, фрагменты. И таким неузнанным всё и оставалось до тех пор, пока событие не происходило. Тогда этот набор, ворох каких-то информативных обрывков складывался в совершенно логичную картину. Естественно, слишком поздно. Макс буквально третирует себя, заставляя снова и снова вспоминать...

Вдруг его кто-то тронул за рукав.

– Мужчина, вам плохо? – перед ним стояла дворничиха с метлой и совком. Чего она там метет в такой дождь?.. Он с таким удивлением смотрел на неё, как будто она только что прилетела на летающей тарелке. Неужели это снова случилось, и он опять отключился прямо посередине улицы? Второй раз за день...

– Простите.

– Может, скорую вызвать?

– Нет. Спасибо. Я тут близко живу.

– Идите присядьте на скамейку, – женщина махнула рукой в сторону автобусной остановки. Скамейка там была под навесом, автобус только что ушел, так что свободное место пока ещё было. Макс послушался, прошёл к скамейке и неожиданно тяжело опустился на нее. Остановка была без стенок, только с крышей, и ничуть не защищала от ветра, а тем более от холода. Зато теперь дождь попадал на него, только если под навес внезапно задувал ветер. Пока он сидел, к остановке подошло несколько человек. Несмотря на жесточайшую пробку, из-за непогоды пешком идти никто не хотел. Минут через пятнадцать подъехал автобус. Все загрузились в него, и Макс остался на остановке один, продолжая наблюдать за окружающими. У скамейки бродил голубь, подергивая маленькой головой в такт каждому своему шагу. Мимо пробежала девушка без зонтика, зябко кутаясь в кожаную курточку. Прошли двое молодых людей в спортивных костюмах, лузгавшие семечки и плевавшие шелуху прямо себе по ноги.

У обочины, едва не окатив его водой из лужи, разлившейся у самого тротуара, остановилась машина. Отодвигая ноги от бурой волны, мигом залившей тротуар, Макс вяло задался вопросом, почему это самые большие и глубокие лужи располагаются исключительно рядом с остановками общественного транспорта. Из салона автомобиля доносились громкие звуки радио. Передавали новости.

– Переходим к местным новостям! – голос ведущего излучал оптимизм и бодрость. – На улице Пушкина из-за дождя подтопило подземный переход, в мусорном баке на юге города женщина нашла целый миллион мелкими купюрами, они были завернуты в пакет...

Из машины вылез толстый мужчина с чемоданом и, с силой хлопнув дверью, пошёл куда-то по улице. Автомобиль, взвизгнув тормозами, отвалил от остановки, опять подняв водяную волну.

Наблюдая, как дворничиха убирает мусор с заплыванного тротуара, Макс силился вспомнить... Обложка книги с человеком в старинном костюме... Чёрные листья, мечущиеся на невидимом ветру на оранжевом фоне... Большое старинное здание, зияющее пустыми окнами... Оно пустое сверху до низу, ни перекрытий, ни стекол в окнах, а вниз, ниже уровня земли, уходила пасть подвала... Солнце, в густом тумане почти невидимое...

К нему подбежала собака. Небольшой задорный пёсик с курчавой рыжей шерсткой, лопухий, весь мокрый. Он под-

нялся на задние лапы, встав передними на колени Макса, оставляя на них грязные следы. Обнюхав его, собака фыркнула. Сопли и слюни полетели прямо Максу в лицо. Очнувшись от раздумий, он посмотрел на пса.

– Макс! Ко мне! – к остановке широким шагом подходил молодой парень в модных джинсах на низком поясе, цветастой майке и ветровке. От его окрика Макса передёрнуло. Собачку как будто сдуло – так быстро она рванулась с места, едва не порвав ему штаны когтями. Наблюдая, как песик радостно скачет и крутит хвостом, дожидаясь, пока хозяин застёгивал карабин поводка у него на ошейнике, Макс подумал, что сам похож на такую вот собаку. Макс, ко мне... Макс, сидеть... Макс, охраняй дом... И больше ничего и не требуют. С другой стороны, чего ещё можно требовать от собаки?

Да. Собака. Причём бесполезная. Даже не комнатная, которая хотя бы радуется своим видом. И не овчарка, которая ловит преступников. И не лабрадор, помогающий плохо видящим. И не сенбернар, спасающий людей из-под снежной лавины... Макс вспомнил фильм, который смотрел в детстве. Про сенбернара Барри, спасшего в горах сорок человек. Он спас сорок человек, а сорок первый убил его... Эмилия тогда так плакала, что мать отругала Макса за то, что он позволил ей вообще смотреть это кино.

Но нет. Он даже не может претендовать на лавры собак. Он всего лишь камень на шее у младшей сестры, отпугивав-

ший от неё своим видом нормальных мужчин.

Посидев на лавке ещё минут десять и продрогнув окончательно, Макс заставил себя встать и двигаться к дому дальше. Идти, в принципе, было недалеко, всего три автобусные остановки, но сегодня ему казалось, что конца этому путешествию не будет. Похолодало, дождь пошел сильнее. Свернув во дворы – так было быстрее – Макс побрёл по раскисшим детским площадкам, пустым в такую погоду, по растрескавшемуся асфальту вдоль стареньких облупившихся пятиэтажек. Людей не было, только редкие собачники, ёжась от холода, семенили за своими питомцами, перепрыгивая лужи. Макс уже не перепрыгивал. Кроссовки давно уже были мокрые насквозь и противно чавкали при каждом его шаге. Последнюю пару сотен метров он мог думать только о горячем чае и сухих носках. Перебежав в неподобающем месте последнюю дорогу, он тигриным прыжком перемахнул через лужу у своего подъезда и, не снижая темпа, буквально влетел в открытую дверь.

Замок на двери был сломан уже недели две. В подъезде было темно. Лампочки здесь били с удивительным постоянством. Сам Макс думал, что это не хулиганы вовсе, а психованная тётка с первого этажа. Её, кажется, даже воры и грабители боялись. Двери в её квартиру не было – она самолично года два назад, повинуясь каким-то только ей ведомым импульсам, сняла дверь с петель и оттащила на помойку. Делала она это удивительно энергично, ругаясь на весь подъезд

и в три часа ночи. Теперь каждый желающий мог заглянуть в её жилище, но таких тут не было. Насколько Макс знал, все родители в доме пугали ею своих отпрысков, и те боялись её, как чумы. Во всяком случае, Коля и Веня всегда пробегали мимо квартиры этой чудной на очень большой скорости. В этот дождливый день, судя по шуму, доносящемуся из-за заскорузлой занавески, закрывавшей вход в её квартиру, злобная карга осталась дома. «Слишком разумный поступок для неё, – подумалось Макс, – даже странно». Едва она услышала его шаги, как тут же разразилась таким потоком брани, что захотелось заткнуть уши. Несмотря на ругань, Макс не пошёл сразу наверх, а сначала проверил почтовый ящик. Ничего. То ли в самом деле почты нет, то ли Эмилия по дороге на работу всё забрала с собой. По лестнице Макс поднимался не спеша, раздумывая, стоит ли идти сразу домой или зайти за мальчишками к тётке Тане. Добрая женщина наверняка накормит его и чаем напоит. И уютно у неё, не то что у них... Остановившись между третьим и четвертым этажом, он сел на ступеньку давно немытой лестницы, чтобы отдышаться. Макс обычно всегда делал тут остановку. Даже в семнадцать он не мог за раз пройти наверх пять этажей. Мать ругалась на него за слабость и хилость, но Макс всё равно не мог одолеть все пять этажей одним махом. Отдыхая, он, как обычно, рассматривал стены подъезда. Все сплошь разрисованные. Названия рок-групп, лидеры которых уже давно нянчили внуков, если только еще не спились; подростковые

признания в любви, написанные теми людьми, которые, наверное, уже раза два женились и разводились; номера телефонов, которые давно уже невозможно набрать с современных телефонов. Ремонт тут не делали лет сорок. Как и в их квартире. Иногда ему хотелось, пока Эмилия на работе, отодрать и вынести оттуда всё, что возможно. Обстановка просто душила его. Едва входя в квартиру, он сразу вспоминал мать, постоянно пилившую его за то, что вместо сына у неё родилась неведомая зверушка... Но ремонт был просто мечтой. Макс вообще не зарабатывал, Эмилия получала ровно столько, чтобы они вчетвером ноги не протянули, а больше им денег неоткуда было брать.

Встав, он дошёл до четвёртого этажа и позвонил в дверь тёти Тани. Дверь ему открыл Веня.

– Привет, Макс! Тётя Таня испекла пирог с лимоном! Мы как раз собираемся пить чай! Будешь чай? – племянник взял его холодную руку своими липкими от сладкого пальцами и потащил в кухню.

– Буду, – как и всегда, когда он приходил сюда, Макс сразу успокоился и даже заулыбался, когда к нему вышла раскрасневшаяся от жара плиты пухлая соседка и пригласила к столу.

Наблюдая за тем, как Макс мыл руки, а потом шёл в кухню, оставляя мокрые следы на линолеуме, Татьяна Павловна Куропаткина, как всегда, очень его жалела. И за что мужику

такое? Мало того, что сам, как глист, худой, похож на паука, так еще и с головой не очень... Максик был умным мальчиком. Татьяна Павловна помнила его, ещё когда он в школу ходил. Очень начитанный, любознательный, пытливым. Но в школе сплошные проблемы. Сколько раз она, смотря в окно или сидя на скамейке у подъезда и разговаривая с подругами, наблюдала, как парень возвращался из школы. Весь битый так, что живого места нет, часто в порванной, грязной одежде. Ещё в начальной школе ему выбили то ли три, то ли четыре зуба – Татьяна Павловна помнила еще, как ругалась его мать, что надо идти к зубному. Тяжело ей было осилить поход к стоматологу, даже работая на двух работах. Макс никогда не вылезал из двоек, писал как курица лапой и с ошибками, а уроки физкультуры для него были бесконечной пыткой. Тем не менее, он был одним из самых умных людей, которых она знала в своей жизни. И при этом с головой у него порой было совсем плохо. Сама Татьяна Павловна считала, что его вечно пьяный папаша побил как-то раз своего сына слишком сильно, от чего Макс был теперь иногда какой-то чудной.

Они собрались вокруг стола, и Татьяна Павловна стала разливать всем чай по чашкам и раскладывать по блюдецкам лимонный торт. Она любила печь сладкое. Проблема была только в том, что все рецепты у неё были на довольно большие порции, и одна она их съесть не могла. Еще поэтому Куропаткиной так нравилось, когда приходили гости.

Братья только сделали по паре глотков чая и съели по ложке торта, а Макс уже сидел перед пустой посудой, облизываясь и с надеждой поглядывая на кухонный стол, где под салфеткой лежало еще несколько кусков.

– Давай еще положу, Максик? – вот уж лишнего куса торта ей точно было не жалко.

– Да нет, не надо, тётъ Тань...

Он всегда отказывался. А она его не слушала, подкладывая добавку, так как видно было, что Макс на самом деле голоден. Эмилия не морила его голодом, но только когда сама готовила, а потом кормила всех. Если же Макс оставался один с детьми, он не ел ничего. Может быть, считал, что объедает их. Но теперь-то она его хотя бы покормит. Братья смеялись и паясничали за столом, пока Коля не перевернул чашку с чаем, расплескав его по всей скатерти. Татьяна Павловна услала их в комнату смотреть мультфильмы, а сама стала вытирать лужу. Макс все это время молча ел, а Куропаткина радовалась. Ей не нравилось одиночество. Хорошо, когда кто-то приходил.

Макс и Эмилия гостили у неё с тех пор, как сами были детьми. Их мать работала на двух работах все дни недели, иногда даже и по ночам, и двое детей иногда буквально жили у тети Тани по нескольку дней. Она к ним привыкла. С Эмилией проблем не было. Она играла в куклы, рисовала или читала. А потом, когда пошла в школу, дисциплинировано делала уроки или гуляла во дворе с такими же дисциплини-

рованными подружками.

А вот её брат был гораздо более непоседливым. Во-первых, он постоянно задавал вопросы. Не то, чтобы Татьяну Павловну это раздражало, но на детские вопросы отвечать не просто, для этого постоянно надо думать, а её это утомляло. Он вечно рылся в её книгах, спрашивая про содержимое. Книги достались ей ещё от отца с матерью, которые, как и многие представители их поколения, очень любили читать. Сама Куропаткина после того, как закончила школу много лет назад, их особо не открывала. Она вообще не особо любила читать книги, предпочитая им журналы с кроссвордами и рассказами о знаменитостях с фотографиями. Это было гораздо менее депрессивно и угнетающе, чем содержимое большинства книг. Обычно Макс быстро сдавался, переставал к ней приставать, выбирал себе подходящий том и уходил в какой-нибудь угол читать.

С детьми Эмилиии было еще проще, чем с ней самой. Новое поколение. Вполне достаточно было включить телевизор и найти там какие-нибудь мультфильмы. Оба мальчика сразу выпадали из действительности на неограниченное количество времени.

Макс наелся быстро. Дети в комнате всё смотрели какой-то фильм. Тетя Таня была обладательницей довольно большого пакета каналов, за который исправно платила, и среди них были и семь каналов для детей, где постоянно крутили мультики и детские фильмы. Эмилиия и Макс доволь-

своились коллективной антенной, и таких каналов у них не было. Теперь Колю и Веню невозможно было оторвать от семейного фильма то ли про касатку, то ли про дельфина, и он решил просто подождать, пока кино кончится, и не устраивать произвол. Сложив посуду в раковину и будучи изгнанным в комнату в ответ на предложение помыть посуду, Макс вышел из кухни и прошествовал на диван, стоявший в комнате у окна. На этом стареньком диванчике он провёл немало часов с очередной книжкой из стоявшего тут же рядом шкафа. Хлопнувшись на пыльное сидение, он устало посмотрел на зеркальные дверцы, за которыми рядами стояли книги. Пахло пылью и пирогом. От выпитого горячего чая его разморило, холод больше не донимал, и Макс позволил себе просто лениво рассматривать книги, как делал до этого много-много раз. Жюль Верн... Как он всегда завидовал его дружным между собой отважным героям! Джек Лондон. Тургенев. Гоголь... Он неизменно трясся в детстве от его «Вечеров...». Достоевский... Макс вспомнил, как лет в одиннадцать достал один из его томов, прочитал название на нём и тут же потащил его к тете Тане, смотрившей в другом углу комнаты какой-то слезливый дневной сериал.

– Тётъ Тань.

– Чего, Максик? – голос был участливый, а глаза её по-прежнему крайне внимательно следили за тем, что происходило на экране.

– Это про кого? Книга про кого? Название чудное...

«Идиот». Ругательное какое-то.

Она оторвалась наконец от телевизора и как-то странно посмотрела на него.

– Это про одного человека. Который был такой добрый, что другие не могли в это поверить и называли его идиотом.

Насколько он потом помнил нудные школьные разборы этого произведения, её описание было самым точным и ёмким.

Тот самый том по-прежнему стоял на прежнем месте. Он смотрел на него и вспоминал выражение лица тёти Тани, когда он спросил её:

– Это про кого?

Она говорила ему другое, но глаза её ответили:

– Это про тебя.

На следующий день дождь прекратился. Как отрезало. Люди шурились с утра на яркое солнце, уверенно встававшее на совершенно чистом от облаков небосклоне. И больше дождя не было. Ни разу за несколько следующих недель. В первый же день солнечной ясной погоды температура поползла вверх. Поначалу теплу даже радовались, но недолго. Ласковые солнечные лучи с каждым днем становились все злее и злее. Казалось, весь город с окрестностями поместили в какую-то гигантскую духовку и включили нагрев до максимальной температуры. Сначала первые несколько дней напоминало это всем парник. Была очень высокая влажность

после бесконечного дождя, а в сочетании с жарким солнцем духотища получалась убийственная. Достаточно было выйти на лицу из-под кондиционера, как одежда намокала от пота в течении минуты, не больше. Потом стало ещё хуже. Вся влага испарилась, а жар продолжал накатывать на город волна за волной, и с каждым днем температура только повышалась. За почти четыре недели она поднялась с пятнадцати до тридцати девяти градусов в тени.

О презентации сообщили в середине июля.

Эмилия с убитым видом рассматривала целую башню из ящичков с книгами. Придется, наверное, до обеда возиться, чтобы разложить это все по полкам. Рядом с ней стояли Нинка Карачарова из иностранных языков и Лариса Пронина из отдела экономики и финансов.

– Обалдеть! – высказалась Карачарова – эффектная блондинка с почти покрашенными корнями волос и круглым улыбающимся лицом. – Одних этих Мерфи притащили целую коробку! Я что, двуязычная, что ли?!

– Девочки! – из-за стеллажа с книгами на немецком языке вывернулся Бочкин и злорадно заявил: – С книгами необходимо покончить как можно скорее. Клиенты не должны спотыкаться о коробки. А после смены в десять жду вас всех на собрании. Быть всем, Пронина! Не отпущу ни под каким видом! Собрание важное! Долгова! Почему у тебя на полках книги раскиданы?! Как ты собираешься клиентам товар

предлагать, если он в таком виде? Штрафов давно не получила?!

Глядя вслед удаляющемуся начальнику, Карачарова оскандилась:

– Козел.

– Могла бы этого и не говорить, – устало проговорила Эмилия, – это констатация факта. Я бы ещё и не так его охарактеризовала. Язык поганить не хочу.

– На собрании он будет про эту идиотскую презентацию рассказывать, – сказала Лариса, с усилием снимая с горы верхний ящик – она была маленькая и субтильная, хотя при этом могла на удивление много поднять, из-за чего имела сходство с муравьем.

– Какая такая презентация? – насторожилась Нина, снимая за ней следующий, забитый большими рабочими тетрадами по испанскому языку. Их толстая мелованная бумага делала ящик просто неподъёмным.

– А такая, – Пронина, казалось, была счастлива осознанием того, что даже Карачарова, знавшая все сплетни магазина без исключения, не обладала информацией о грядущей презентации.

– Я тоже ничего не слышала, – присоединилась к ним Эмилия, выбирая из ящиков книжки для своей секции.

– Я вчера заходила к ним с заявлением на отпуск и слышала, – стала рассказывать Лариса, – в начале следующего месяца в ночь с пятницы на субботу в магазине состоится

закрытая презентация новой книги.

– Чьей? – одновременно спросили Эмилия и Нина.

– Кукушкина.

– Кукушкина?

– Того самого Кукушкина?!

– Да! Того самого!

Книги Петра Кукушкина, писавшего на самые злободневные социальные темы весьма грязным и сальным языком, продавались во всех книжных магазинах города, как горячие пирожки, несмотря на весьма кусающиеся цены. Но только у «Империи Гутенберга» был с ним подписан контракт о том, что презентации всех новых книг, а также встречи с читателями Кукушкин должен проводить только у них, на Обвалова, 3. Страницы его произведений буквально сочились грязью и мерзостью и огромным количеством ненормативной лексики. Читателям это всё нравилось, книги на полках не залеживались.

– А что за книга? – у Карачаровой засверкали глаза, она была давней поклонницей Кукушкина, с удовольствием консультируя всех клиентов, у кого возникал по его книгам какой-нибудь вопрос, ведь Кукушкина издавали даже на иностранных языках.

– Не знаю, – с явным сожалением проговорила Пронина, – при мне они название не говорили. Вроде как про нынешнее поколение кибер-трутней.

– Про кого?! – переспросила Нина.

– Я цитирую. Поколение кибер-трутней.

– Шухер! Затычка! – прошипела Эмилия.

Подхватив большую стопку книг про вампиров с молодыми людьми на обложках с внешностью моделей из рекламы нижнего белья, потащила в свою секцию. Бочкин внимательно и как-то настороженно следил за их действиями, а особенно, как ей показалось, за ней. Его бдительность никогда не ослабевала. Каждый день штрафы за нарушение трудовой дисциплины сыпались на работников магазина, как из рога изобилия. Ненавидели Бочкина все сотрудники магазина и с весьма редким единодушием. Естественно, директор его любил и отмечал регулярными премиями.

До самого вечера Эмилии некогда было даже присесть и перевести дух. После двенадцати пошел поток покупателей. Одни хотели одно, другие – другое. За день она несколько раз читала чуть ли не целые лекции о творчестве разных писателей-фантастов; выбирала вместе с покупателями книги в подарок; долго говорила о разнице между оборотнями и вампирами с одной девушкой, не знавшей, что купить (та была так серьёзно настроена, как будто они существовали на самом деле); зачитывала вслух оглавление одной из книг для старушки, забывшей дома очки; долго выбирала книгу для молодого человека, хотевшего почитать «что-нибудь вроде Моби Дика»... А в промежутках между бесконечными диалогами с «покупосами», как называла клиентов Карачарова, таскала книги с места на место, не один десяток раз под-

нявшись и спустившись по стремянкам, чтобы добраться до верхних полок.

Наконец уже в шестом часу вечера, в ожидании вторичного наплыва покупателей, решивших посетить магазин после работы, Эмилия поняла, что выбилась из сил. Еле дождавшись окончания длинной беседы с любителем Шекли, она объявила остальным консультантам, что пошла на перерыв, и, чувствуя, что ноги уже начинают дрожать, двинулась к лестнице, ведущей вниз – там в подвале у работников были раздевалки и маленькая столовая. В столовой стояло несколько столиков с пластиковыми стульями вокруг, там можно было съесть то, что принёс из дома, а в углу стояли для общего пользования холодильник, маленькая микроволновая печь и электрический чайник, покрытый изнутри таким слоем накипи, что работал он чуть ли не десять минут, чтобы согреть чашку воды.

Закончив смывать с пальцев типографскую краску, Эмилия дошла до столовой. Там она вытащила из холодильника пластиковую коробку с рыбными палочками, на которой было криво выведено чёрным фломастером «Долгова», швырнула её в микроволновку и стала ждать, в нетерпении постукивая вилкой по столу.

– Долгова! Эмка! – с соседнего стола ей махала Тупа, как все за глаза звали Светлану Алексеевну Туполеву, старшего менеджера по продажам в отделе хобби. Она была самая пожилая во всём штате сотрудница, работала чуть не с самого

открытия магазина, но и не думала уходить на пенсию. Руководство постоянно подсылало к ней новичков для обучения – никто не мог так быстро ввести новенького в курс дела, как Тупа. Её все знали и любили точно также, как терпеть не могли Бочкина.

– Да, Светлана Алексеевна! – Эмилия прошла к её столику, забыв на минуту о рыбных палочках.

– Слышала о собрании? Я всех спрашиваю. Серёжа просил предупредить ещё раз, чтобы никто не ушёл.

Только для Тупы Бочкин был Серёжа – само по себе это было не удивительно, так как она работала в «Империи Гутенберга» ещё до того, как Сергей Бочкин пошел в начальную школу. Эмилию неизменно коробило то, как она звала этого козла, но виду она не подавала.

– Да, в курсе. Спасибо, Светлана Алексеевна. Он нам сегодня об этом говорил уже.

– И ещё не раз бы сказал, но он уехал сегодня в пять и будет только после девяти.

Эмилия обрадовалась. День без Затычки будет почти приятным. Радостно поедая пресные рыбные палочки, она приступила к чаю, таская за ниточку чайный пакетик в кружке с кипятком и наблюдая за обедающими. В основном те смотрели старенький кинескопный телевизор, стоявший в углу на полке, прикрученной к стене над микроволновкой. Телек показывал плохо, но сквозь рябь всё равно можно было что-то разглядеть. Жуя почти безвкусный обед, Эмилия тоже устре-

мила взгляд в экран. Передавали прогноз погоды. Худенькая девушка вышагивала вдоль карты, покрытой разными значками, цифрами и стрелочками, и радостным голосом рассказывала, что жара продолжится и даже усилится. При этом она все время улыбалась, от чего, на взгляд Эмилии, походила на маньячку из какого-нибудь второсортного ужастика...

– Эмка! К тебе можно? – рядом с ней на пластиковый стул с хлопком опустилась Пронина. – Тут рядом розетка, а зверёк разрядился, – она потрясла перед Эмилией планшетом.

– Да, давай, садись, – Эмилия еле проговорила эти слова, стараясь не плевать недожёванными рыбными палочками. Лариса Пронина была большой поклонницей всевозможных гаджетов и каждую свободную минуту сверялась со своими электронными друзьями.

– Прикинь, я тут с одним придурком познакомилась. Такой ухлопок, – Лариса, воткнув зарядку планшета в розетку, скользнула поближе к Эмилиии, очевидно решив похвалиться очередными находками в сети. Она обожала знакомства в Интернете, а также не стеснялась высказывать собственное мнение на всякие злободневные темы на всевозможных форумах.

– Чего за ухлопок? – Эмилия с интересом потянулась к экранчику гаджета. У неё самой даже мобильного телефона не было – не то чтобы он стоил такие уж запредельные деньги, просто был ей не нужен. Родственников у неё, кроме детей и Макса, не было, с работы вполне могли позвонить и

на домашний, а соседи просто стучались в дверь (звонок у них был сломан) или оставляли ей в почтовом ящике записки примерно следующего содержания: «Собрание жильцов подъезда на первом этаже воскресенье 21:30». Со своим первым и, видимо, единственным гражданским мужем она познакомилась именно по Интернету, поэтому когда все кончилось, старый компьютер, с помощью которого она выходила в сеть, по её просьбе был отнесён Максом на помойку. Больше Эмилия не хотела иметь ничего общего ни с Сетью вообще, ни с теми ненормальными придурками, которые бродят по её просторам. Человек, с которым намереваешься жить вместе в реальном мире, должен предпочитать его виртуальности. Значит, в сети его быть и не должно. Пронина же просто ловила кайф от того, что представлялась на всяких сомнительных сайтах знакомств настоящей оторвой без комплексов, а потом зачитывала вслух послания всех озабоченных под хохот собравшихся.

– Смотри. Пишет, козел: «Отдамся тебе, милая, за бутылку пива!», – Лариса водила по планшету пальцем, прокручивая переписку. – А я ему: «Ого! А какое желание сильнее с утра? Отдаться или напиться?». А он...

К ним подсело ещё двое человек, когда соседи поняли, что Пронина снова устроила громкую читку. Знакомствами и незатейливым трёпом в сети занимались почти все, но шоу из этого умудрялась делать только она. Вокруг неё собирались как вокруг юмориста, а Пронина, упиваясь вниманием

к своей персоне, зачитывала самое интересное и смешное. Эмилия смеялась вместе со всеми, пока не заметила, что её обеденный перерыв уже почти закончился.

Может быть, из-за жары или ещё по какой-нибудь причине, но покупателей было не так много. Так что Эмилия большую часть времени до десяти вечера проболтала с Ниной и Ларисой, стоя у стойки информации и только время от времени проходила по секции, поправляя книги, неизменно раскидываемыми по полкам находившимися в активном поиске покупателями. Бочкин сгинул из магазина почти до конца рабочего дня, и время пролетело незаметно. Он появился уже к закрытию, когда все ходили вдоль стеллажей и выстраивали книги ровными рядами. Разбирая очередной завал, устроенный клиентами на одной из полок, Эмилия вновь удивилась их крайней неаккуратности. Книги были навалены как попало, многие оставались в раскрытом виде корешками вверх, с замятыми углами страниц. Ей было их жалко. Как так можно?! Эмилия всегда представляла себе, сколько деревьев уничтожено для того, чтобы эти книги вообще появились, сколько народа работало над этим. И так варварски портить. Непонятно. Сама она росла в такой семье, где ребенка могли отлупить, если он за столом играл с хлебом, а к книгам всегда было отношение, как к настоящей ценности. Это была одна из причин, почему Эмилия решила работать в книжном магазине. Раздумывая обо всем этом,

она неспешно разгребала очередную полку, когда сзади подскочил Бочкин:

– Долгова! Про собрание помнишь? Через полчаса на первом этаже в отделе хобби.

Не дожидаясь ответа, он двинулся дальше. «Пошёл портить людям настроение!» – пронеслось у нее в голове.

Полчаса спустя Эмилия спустилась в отдел хобби и встала рядом с Карачаровой, жующей яблоко.

– Я не опоздала?

– Нет. Затычки пока нет.

Все собирались ещё минут десять. Эмилия вяло подумала, что с таким графиком работы домашние скоро забудут, как она вообще выглядит. Прислонившись к стеллажу с книгами по народной медицине, она молча смотрела в одну точку, никак не реагируя на то, что происходило вокруг. Прошло ещё минут семь, прежде чем все на самом деле собрались. Бочкин вышел вперёд и энергично начал доклад. Результаты месяца, самый лучший, самый худший, штрафы – всё это Эмилия слушала в пол-уха. Она думала только о том, что именно следует купить сегодня на ужин после того, как это глупое собрание закончится.

– ...И наконец! – Бочкин повысил голос, перекрикивая нараставший гул вокруг – оставаться до одиннадцати вечера людям совсем не нравилось.

– Сообщаю вам, что в начале августа, восьмого числа, в ночь с пятницы на субботу в нашем магазине пройдет пре-

зентация книги «Потные перья» Петра Кукушкина...

Гул стал громче. Это сообщение оказалось новостью отнюдь не для всех. Судя по довольному виду Карачаровой, она рассказала об этом уже всем, кто только был согласен её слушать.

Эмилия и тут особо не вникала до тех пор, пока Бочкин не вытащил из бумажного пакета, который перед этим держал в руках, книгу.

– Вот что будет на презентации, – он поднял книгу повыше, чтобы все могли рассмотреть. Эмилия только глянула и замерла. В памяти всплыл давнишний разговор с Максом... Мужчина на обложке, как в «Двенадцатой ночи»... Что-то про перья... В руке начальник держал белую толстую книгу. На обложке ее был изображен человек – мужчина в шляпе с пером, в плаще и в одежде, как во времена Уильяма Шекспира, с большим круглым воротником. Под картинкой голубыми буквами было написано «Потные перья». Эмилия смотрела на книгу, и только одна мысль вертелась в её усталом мозгу: как Макс узнал?!

– Презентация будет закрытой, так скажем, не для всех, – продолжал информировать собравшихся Бочкин. – Приглашения разосланы, списки уже есть. Все известные люди, многих вы знаете! – он хохотнул, довольный собственными словами, потом продолжил: – Как я уже сказал, всем разосланы приглашения. Кроме избранных, будет ещё пресса. В основном писаки из желтых СМИ, но и пара серьезных изда-

ний тоже пришлют своих представителей. Итак! Мне нужны трое добровольцев! Трое человек, которые будут помогать Кукушкину и получают за несколько ночных часов зарплату, как за три дня!

В зале заговорили уже в голос. Все обсуждали возможность получения лёгких денег.

– Это всё, что я хотел вам сказать! – провозгласил Бочкин. – Желаящие поработать ночью подходите завтра ко мне до обеда. Всё! Можете устремляться в свои дома!

Все сразу повалили к раздевалкам, а Эмилия продолжала стоять и думать, откуда брат узнал о закрытой презентации. Мог, конечно, через какого-нибудь знакомого, но дело было в том, что Макс вообще довольно часто узнавал то, что знать ему не надо было...

Углубиться в эти мысли она не успела. Сзади подскочила Карачарова, до сих пор обсасывавшая яблочный огрызок:

– Здорово деньжат по-легкому срубить, а?! Пойдем завтра к Затычке? Вместе запишемся!

– Вообще в пятницу я люблю дома побыть...

– Не ленись. Побудешь в субботу. И не просто побудешь! А поведешь домашних и в ресторан и в кино! Денежки на это будут! Ты домой-то идешь?

– Иду, конечно.

– Тогда пошли.

Часть пути до дома Эмилия проделала вместе с Ниной.

Та трещала без умолку, твёрдо решив попасть в число тех «счастливиц», которые будут работать на презентации. Они шли по пустеющему к ночи городу, дышащему жаром, как из печи – уже дней пять по ночам было больше тридцати. После прохладного воздуха магазина навалившаяся вязкая жара лишила их всех оставшихся сил. К спине мигом прилипла офисная синтетическая рубашка, а к ногам – синтетические брюки.

– Обожаю презентации! – гнула своё Нина. – Не понимаю, что ты-то упёрлась?! У тебя двое детей, братец ещё на твоей шее вообще ничего не зарабатывает, да и не стремится, деньги лишними уж точно не будут! Я думала, ты в первых рядах будешь!

– Знаешь... Не люблю я такие книги, – Эмилия на ходу достала сигарету из пачки и закурила. Стало как будто полегче. – Не нравятся они мне. Грязь одна.

– Ой, да ладно! Брось! – Нина порочно улыбнулась. – Это же модно. Так все сейчас пишут! Ну, потерпишь часа четыре. Потом придёшь домой, кофейку выпьешь, поспишь и забудешь обо всём этом в тот же день!

Слушая трескотню подруги, Эмилия думала о другом. Ну откуда Макс мог узнать про то, как выглядит книга? Иногда он выдавал такое... Она вспомнила тот выходной...

...Накануне того самого выходного ее сыновья Коля и Веня попросили показать им диафильм. У них в кварти-

ре был такой раритет: старый диапроектор и куча плёнок к нему. Эмилия случайно нашла всё это, когда года полтора назад решила разобрать антресоли. Сама она полезла на гнутую стремянку, чтобы лично проинспектировать содержимое давно не открывавшегося шкафчика, а Макс с детьми должны были принимать внизу вещи, протирать их от пыли и складывать в кучу для дальнейшего с ними ознакомления. Проектор и лежал там, среди старых ненужных лекций, подшивок журналов и ёлочных игрушек. Отодвинув электрическую шашлычницу, Эмилия вытащила объёмистый пакет. В проекторе не оказалось лампочки, но Макс сбегал куда-то и принес такую же. Посмотрев на неё, Эмилия подумала, как давно всё это сняли с производства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.